

Вань Гаогао подумала об этом: если Е Цзинь не по собственной воле позволила себя пометить, тогда её феромоны, хоть внешне и кажутся сильными, по своей сути неизбежно слишком слабы. Даже если в будущем, когда она достигнет совершеннолетия, та сможет смыть метку, кто гарантирует, что какая-нибудь другая омега случайно не пометит её?

Е Цзинь:

Если она правильно поняла, это та сейчас сказала, что она ни на что не годная?

Она, высшая альфа, и ни на что не годная?!

— Об этом тебе беспокоиться не нужно, в любом случае к тому времени мы уже будем друг другу чужими, — с недовольством бросила Е Цзинь. Ни один человек не стерпит, когда ему говорят, что он ни на что не годен! Особенно альфа — существо с зашкаливающей уверенностью в себе!

Однако Е Цзинь была в общем-то права: после достижения совершеннолетия каждый альфа, за исключением тех, кто не может служить по медицинским и иным причинам, обязан пройти службу. Во время службы государство не одобряет появление меток у альф, поэтому перед приступом в армию большинство альф предпочитают смыть метку, если она у них есть.

В конце концов, в период службы их омега не сможет приехать и снабжать их феромонами, а если не смыть метку, придётся переживать этот период в одиночку, и мало кто способен вынести подобное испытание.

Неприятнь

— Хм, тоже верно, к тому же времени меня это уже касаться не будет, — легко усмехнувшись, Цзян Яншуй согласно кивнула.

Е Цзинь сжала ведро из-под мороженого с такой силой, что побелели костяшки пальцев, а её лицо помрачнело на несколько тонов.

— Впрочем, нам всё равно предстоит прожить вместе года два, и я считаю, что одну вещь нужно сразу прояснить.

— Что еще? — Е Цзинь мысленно скривила губы. Эта девчонка вообще помнит, что им предстоит два года жить бок о бок?

— А именно: тебе лучше в меня не влюбляться. — На этот раз взгляд Цзян Яншуи стал серьезным, а выражение лица — строгим.

— Влюбиться в тебя? Да ни за что! Я в кого угодно влюблюсь, но только не в тебя! — Е Цзинь широко раскрыла глаза, на мгновение замерла, а затем громко запротестовала.

Шутки в сторону! Станет она влюбляться в Цзян Яншуй? Разве такое возможно? Ещё чего!

Видя, что Е Цзинь выглядит откровенно сердитой — словно влюбиться в неё было чем-то немыслимым и непростительным, — Цзян Яншуй слегка расслабилась и озарила лицо самой безмятежной улыбкой за последнее время.

— Так даже лучше. Хотя я пока еще ни в кого не влюблялась и точно не знаю, какой тип мне нравится, но вот кто мне точно не нравится, я знаю наверняка.

— Мне не нравятся альфы. По сравнению с другими, тела альф кажутся мне слишком неказистыми, они не вписываются в мои стандарты красоты.

Цзян Яншуй говорила искренне. Она не хотела обманывать Е Цзинь, поэтому высказала свои подлинные мысли. Она всегда считала, что самые безупречные тела — это женские тела бет и омег, а всё остальное вызывало у неё легкое, едва уловимое отторжение, ей это не слишком нравилось.

Е Цзинь умолкла. Она даже забросила мороженое, подняла голову и посмотрела на Цзян Яншуй. Из-за того, что та стояла спиной к солнцу, Е Цзинь пришлось тяжело всматриваться, слегка прищурившись, и силуэт Цзян Яншуй всё равно казался размытым и нечётким.

— Ты хочешь сказать, что наши тела кажутся тебе слишком уродливыми? Настолько, что вызывают у тебя отвращение?

Цзян Яншуй опустила взгляд на Е Цзинь, немного подумала и ответила:

— Да нет, не совсем так. Сейчас ты выглядишь очень красиво.

Е Цзинь:

С чего это ей кажется, что эти слова прозвучали неискренне?

— Значит, ты не можешь принять наши тела после того, как мы раздеваемся?!

Е Цзинь вытаращила глаза. Она и представить себе не могла, что у кого-то могут возникнуть подобные мысли! Разве это не самое естественное дело на свете?!

Цзян Яншуй замялась:

— Можно и так сказать.

Е Цзинь окончательно потеряла дар речи, а в груди зашевелилось раздражение:

— Не нравится — и ладно, зачем мне-то об этом говорить?

Эта девчонка специально пришла, чтобы испортить ей настроение? Она уродлива? Она уродлива?!

Она — гордая высшая альфа, объект воздыханий бесчисленных девушек — и вдруг услышала, что она уродлива! Уродлива!

Заметив, что Е Цзинь сердится, Цзян Яншуй поджала губы и произнесла:

— В конце концов, нам предстоит провести вместе еще много времени, я не хочу тебя обманывать и не хочу, чтобы ты вдруг случайно прониклась какими-то чувствами — ведь у этого всё равно не будет будущего.

Она не желала нести груз ненужных романтических долгов и предпочитала сразу всё расставить по местам, чтобы не создавать подобной обузы.

— Не бойся! Я в тебя не влюблюсь! Я никогда в жизни в тебя не влюблюсь! Даже если на свете останешься ты одна-единственная омега, я всё равно не полюблю тебя! — в ярости выпалила Е Цзинь. До чего же бесячая, до чего же бесячая! Ей еще не доводилось встречать таких людей, как Цзян Яншуй!

Не нравится — ну так не нравится, зачем же об этом вслух говорить?

Е Цзинь чувствовала себя ужасно обиженной. Ей казалось, что её откровенно презирают.

Какая же она бессовестная стерва! Настоящая омега-динамо!

Сама пометила человека, а теперь заявляет, что ей не нравятся альфы! Раз уж тебе не нравятся альфы, так не веди себя так послушно, реагируя на её феромоны!

Однако, услышав этот сердитый окрик, Цзян Яншуй наконец полностью расслабилась. Она позволила себе опуститься на скамью рядом с Е Цзинь и с легкой улыбкой произнесла:

— Ну и отлично, тем лучше.

— Раз уж никто из нас не пылает чувствами друг к другу, но нам всё равно предстоит прожить

под одной крышей два года, мы вполне можем остаться друзьями.

Е Цзинь прикусила губу, глядя на её безмятежную улыбку — казалось, та действительно радовалась этому факту, отчего на душе у Е Цзинь стало еще тоскливее.

С другой стороны, она не могла отчитать Цзян Яншуй. Та честно призналась в своих вкусах, а у каждого есть право на самые причудливые антипатии — какое она имела право ругать её за это?

Единственное, за что её стоило отчитать, так это за то, что в её неприязнь вошло утверждение, будто сама Е Цзинь некрасива!

Но сейчас у Е Цзинь уже не было сил ругаться.

Заметив, что та сидит с ленивым видом и игнорирует её, Цзян Яншуй не сердилась. Ощущая дуновение прохладного ветерка, она прикрыла глаза и тихо произнесла:

— Знаешь, порой прогуливать уроки оказывается даже приятно.

Хотя, строго говоря, они не прогуливали — их просто выставил из класса классный руководитель в качестве наказания за опоздание.

Просиживая каждый день все уроки над учебниками, вдруг оказаться на свежем воздухе, просто греться на солнышке и ничего не делать — это уже казалось верхом блаженства.

— Хм, смотри только, чтобы я тебя не испортила, иначе Старая Фан потом меня на куски порежет.

— Не переживай, она не посмеет тебя резать. Ей еще не хочется садиться в тюрьму.

— А у тебя напрочь отсутствует чувство юмора.

— И твоя фраза вовсе не казалась мне смешной.

— Это у меня-то нет чувства юмора?!

— Твоя фраза была несмешной, — поправила её Цзян Яншуй.

— Да что в ней несмешного?!

— Ничего смешного, — серьезно ответила та.

— Ах так! Цзян Яншуй, ты что, смелости набралась? Сколько людей умоляют меня сказать им что-нибудь забавное, а ты заявляешь, что это несмешно!

— Уж среди этих людей меня точно нет.

— Ах ты так, получай!

Е Цзинь прижала ведёрко с мороженым прямо к лицу Цзян Яншуй, и леденящая прочность мгновенно передалась её коже.

— Е Цзинь!

Обе тут же затеяли возню. В этой шутливой свалке между ними рухнули прежние преграды, в один миг сблизившие их так, что они больше не казались далекими друг другу самыми обычными одноклассницами.

— И всё же, почему вы вдруг решили вернуться? — наигравшись, Е Цзинь развалилась на стуле и легонько пнула обувь Цзян Яншуй.

Позже она слышала от госпожи Е, что семья Цзян изначально развивала свой бизнес в Цзинъяне. Дела шли отлично, но потом по неизвестной причине они всей семьей перебрались за границу, перенесли туда и весь центр деловой активности. Там они добились огромного успеха, а хотя их отечественные активы и сохранились, они уже далеко не шли ни в какое сравнение с прошлым. Никто и предположить не мог, что единственный ребенок семьи Цзян спустя столько лет вернется в Цзинъян вместе с двумя детьми — судя по всему, они собирались пустить здесь корни.

При этих словах Цзян Яншуй слегка умолкла.

— Ой, не хочешь — не рассказывай, я вовсе не навязываюсь, моего любопытства ровно на капельку. — напоследок Е Цзинь изобразила жест, показывая, что эта «капелька» была поистине микроскопической — едва ли в один миллиметр.

Видя её реакцию, Цзян Яншуй расслабилась и тихо произнесла:

— Я не хочу об этом говорить.

В школе она никогда не упоминала о своей семье. Многих интересовало её происхождение, но как бы ни расспрашивали окружающие, она не обмолвилась ни единым словом.

— Ну и ладно, у каждого есть свои секреты, — равнодушно бросила Е Цзинь, опустив взгляд на своё ведёрко с мороженым. Оно уже почти растаяло, и есть его больше не хотелось.

Цзян Яншуй легко улыбнулась. Она обнаружила, что общаться с Е Цзинь на самом деле очень легко и непринужденно: пусть та порой и говорила колкости, в по-настоящему важных вещах она всегда знала меру и понимала границы дозволенного.

Так что подружиться с Е Цзинь было вовсе не плохой идеей.

Запах

Прозвенел звонок с урока. Поскольку следующим уроком шла физкультура, обе не стали сдвигаться с места и просто сидели, ожидая появления остальных ребят из класса.

Буквально через пару минут вокруг Е Цзинь столпилось несколько человек: Вань Гаогао и Лань Чжуцзе уселись справа от неё, а Цинь Бэйбэй примостилась слева и без всякого смущения ухватила Е Цзинь за руку, даже пытаясь положить голову ей на плечо.

Е Цзинь:

Ей еще не доводилось встречать таких бесцеремонных омег. Они ведь виделись-то всего раз в жизни, верно? Несведущий человек, глядя на этот спектакль, мог бы подумать, что они росли вместе с пелёнок!

Цзян Яншуй, сидевшая рядом с ней до этого, оказалась оттеснена на самый край. Они переглянулись, и Цзян Яншуй отчетливо прочла в глазах Е Цзинь глубокое изумление и глухое раздражение.

Е Цзинь незаметно подмигнула Цзян Яншуй, призывая подыграть.

Цзян Яншуй слегка приподняла брови — надо же, она поняла её без слов.

— Цинь Бэйбэй, ты ведь омега, имей совесть, соблюдай дистанцию между омегами и альфами! Тем более — с альфой, у которой уже есть омега. Из-за твоего поведения я чувствую себя так, будто изменяю ей!

Цзян Яншуй:

Какая еще альфа с омегой? И язык же поворачивается такое молоть...

— Да ладно тебе, староста ведь не станет возражать, правда? — Цинь Бэйбэй повернулась к

Цзян Яншуй и лучезарно улыбнулась.

— С чего бы ей не возражать! — Не дожидаясь, пока Цзян Яншуй успеет открыть рот, Е Цзинь испугалась, что та всё испортит, и выпалила с весомым апломбом: — Ты же сама омега, неужели не знаешь, насколько сильна собственническая жилка у омег?! Тем более она — высшая омега! Если бы её ревность не была столь безумной, разве стала бы она так рано ставить на мне метку?!

Цзян Яншуй смотрела на её вдохновенную тираду — та говорила с такой истовой убежденностью, будто в противном случае рушились бы сами основы мироздания.

Эта речь Е Цзинь буквально ошеломила остальных троих, заставив их ошеломленно уставиться на неё.

— Так что не ставь меня в неловкое положение! — закончив эту фразу, Е Цзинь выдернула руку из чужой хватки, поднялась на ноги и пересела вплотную к Цзян Яншуй, усевшись настолько близко, что между ними не просочилось бы и листочка.

Остальные трое:

— Сестрица Е! Неужели всё так серьезно?! — надув губки, Цинь Бэйбэй обиженно принялась капризничать, изображая жертву несправедливости.

Е Цзинь, прижавшись к боку Цзян Яншуй, слегка передернула плечами от подступивших мурашек — ей было физически больно смотреть на все эти нежности.

Поняв, что Е Цзинь, похоже, действительно испытывает неприязнь к стоящей перед ней омеге, Цзян Яншуй тронула губы легкой улыбкой. В этот момент она напоминала великодушную главную наложницу в императорском гареме, однако её слова дышали такой непоколебимой собственнической властью, что никому бы и в голову не пришло бросить ей вызов.

— Цинь Бэйбэй, я считаю, что всё очень серьезно. Моя альфа — я не потерплю, чтобы от нее хоть капелькой пахло другой омегой! — Голос звучал мягко, но взгляд был до крайности твердым и не допускающим возражений.

Вань Гаогао так сильно вцепилась в руку Лань Чжуцзе, что всем телом прильнула к ней, и восторженно зашептала прямо на ухо:

— Ого-го! Староста просто великолепна! Какое жесткое заявление!

Лань Чжуцзе от такой хватки скривилась в лице, но всё же не заставила подругу разжать пальцы, лишь с брезгливой обреченностью наблюдая за её экзальтацией.

Цинь Бэйбэй остолбенела. Она никак не ожидала, что Цзян Яншуй выскажется настолько прямолинейно, открыто объявив Е Цзинь своей собственностью — и при этом сама Е Цзинь не выказывала ни малейшего протеста.

— Именно так! А не то она потом не пустит меня в постель, и у меня будут серьезные проблемы! — с важным видом кивнула Е Цзинь, сохраняя смертельно серьезное выражение лица, будто угроза лишиться постели была страшнейшей из карательных мер.

Лицо Цзян Яншуй на мгновение потемнело. Она отвернулась спиной ко всем остальным и наградила Е Цзинь красноречивым взглядом, полным немого укора.

Не пустит в постель? Да спали ли они вообще когда-нибудь в одной постели? Разве последние дни они не ночевали по разным комнатам?!

Е Цзинь поспешно метнула ответный сигнал: так надо по сюжету, по сюжету!

К тому же, со стороны все считают, что метка уже поставлена, а значит, они наверняка давным-давно делят одно ложе.

Цзян Яншуй:

— Да, всё верно, меня бы это сильно огорчило, — подтвердила Цзян Яншуй слова Е Цзинь, снова повернувшись к остальным.

За эти мгновения она успела обдумать ситуацию. Сейчас она по горло занята учебой и кучей других дел, у неё нет времени на романтические глупости, а наличие рядом такой альфы, как Е Цзинь, избавляющей её от статуса «одиночки», определенно избавит её от множества лишних хлопот.

Наблюдая за этим разыгранным как по нотам дуэтом — одна заявляет права на чужие феромоны, другая притворяется запуганной спальным вопросом, — Цинь Бэйбэй расплакалась от обиды, её глаза мгновенно покраснели. Вскочив на ноги, она сердито бросила:

— Больше никогда с тобой не заговорю! Большая дура!

С этими словами она в ярости убежала.

Глядя ей вслед, Е Цзинь снова содрогнулась всем телом, покрывшись мурашками. Разве можно девочке изъясняться столь странным образом? Какая еще «большая дура», ей претили подобные кокетливые словечки.

Лань Чжужэе наблюдала за тем, с каким увлечением Вань Гаогао уплетает эту драму глазами,

и даже подумала, что если выдать той горсть семечек, она сможет грызть их прямо на ходу.

Цзян Яншуй, очевидно, тоже была ошеломлена этим финальным «большая дура» от Цзинь Бэйбэй. Повернувшись к Е Цзинь, она молчаливо выразила всё свое недоумение.

Она никак не ожидала, что за оказанную Е Цзинь услугу ей придется расплачиваться подобной ментальной атакой.

Угадав послание в её глазах, Е Цзинь мгновенно сложила ладони лодочкой и взмолилась о пощаде:

— Чего пожелаешь! Я угощу тебя всем, чем захочешь!

Цзян Яншуй скривилась еще сильнее. Неужели она выглядит человеком, страдающим от нехватки еды?

Прежде чем она успела ответить, физрук у ее ног свистнул в свисток и рявкнул команду построиться.

Цзян Яншуй с легкой усмешкой бросила на Е Цзинь многозначительный взгляд, поднялась, отряхнула складки юбки и чинно зашагала прочь.

А? Е Цзинь на мгновение растерялась. Что значил этот её прощальный взгляд?

Едва Цзян Яншуй удалилась, Вань Гаогао осмелилась подкатиться к Е Цзинь. Толкнув её плечом, она хихикнула:

— О босс, не ожидала я, что ты такая подкаблучница! И где же твоя гордость?

Что бы Цзян Яншуй ни сказала, та сразу во всём соглашалась — неужели это их прежняя грозная, непокорная босс?!

Е Цзинь бросила на нее косой взгляд, протянула руку и бесцеремонно взъерошила ей волосы:

— Лучше бегом маршируй на построение! С такой физической подготовкой ты в армии просто загнешься на первый же день!

При упоминании армии Вань Гаогао мгновенно сникла. Ее личико скривилось в мученической гримасе — она не хотела быть альфой, она не хотела идти в армию!

Не обращая на нее внимания, Е Цзинь поспешила догнать Цзян Яншуй и снова встала рядом,

продолжая разыгрывать спектакль влюбленной пары.

— Можешь не бегать, — глядя на марлевую повязку на шее Е Цзинь, произнесла Цзян Яншуй. Главной особенностью этого физрука было то, что он заставлял пробежать пару кругов для галочки, а потом разрешал делать всё, что заблагорассудится.

— Я бы и рада полентяйничать, но не могу же я позволить им думать, что я ни на что не годна! — с железобетонной серьезностью заявила Е Цзинь. Разве для высшей альфы не слишком позорно не осилить несчастные два круга?

Цзян Яншуй:

Разве это та вещь, о которой стоит беспокоиться? Она ведь и правда ни на что не годная — иначе как бы та так легко ей поддалась?

К счастью, Е Цзинь не догадывалась о её мыслях, иначе точно подпрыгнула бы до потолка от злости.

Объявив количество кругов, физрук отпустил их на пробежку. Цзян Яншуй, мерно шагая рядом с Е Цзинь, опустила взгляд на собственные носки. Появление Е Цзинь в её жизни действительно перевернуло вверх дном все её планы.

Столкнувшись с этой историей, ей поневоле придется перекроить весь свой распорядок и остаться в старшей школе Цзинъян, чтобы нести ответственность за Е Цзинь.

Нести ответственность за Е Цзинь...

При этой мысли в памяти Цзян Яншуй вновь всплыла фраза про отказ пускать в постель...

Что вообще у этой девчонки на уме...

Детали

Закончив бег, Е Цзинь бросила взгляд на Цзян Яншуй, у которой даже дыхание не сбилось, а затем перевела его на других альф, валявшихся на траве и хрипящих, как загнанные собаки.

Не зря говорят, что нынешняя эпоха принадлежит стремительному взлету омег — с такими-то альфами вокруг немудрено, что их оставляют далеко позади!

Однако, глядя на идущую рядом Цзян Яншуй и вспоминая госпожу Е дома, Е Цзинь поймала себя на мысли, что ей безумно нравится эта эпоха. Равноправие полов стало нормой, омег

больше не дискриминируют, не ущемляют в правах и не смотрят на них свысока; современный мир защищает законные интересы омег лучше, чем любая предшествующая эпоха.

Именно в такой обстановке её госпожа Е могла жить в свое удовольствие и заниматься всем, чем пожелает. И у Цзян Яншуй тоже появится бескрайний простор, где она сможет расправить крылья.

— А ну марш, сходи за водой! — Е Цзинь легонько пнула носком кроссовки тушу, раскинувшуюся на газоне.

— Босс, я так устала~ — завывала Вань Гаогао, извиваясь на траве с видом полного нежелания шевелиться.

Поскольку она не переделалась в спортивную форму, это её грациозное извивание задрало подол юбки так высоко, что вот-вот грозило обнажить лишнее. Но в следующее мгновение какая-то фигура решительно плюхнулась прямо на неё, накрыв цветастым серым подолом всё, что нужно было скрыть.

Е Цзинь и Цзян Яншуй:

На это зрелище было невозможно смотреть без слез. Обе синхронно отвернулись спинами к источнику шума, уставившись в небеса с абсолютно пустыми лицами.

— Ты вообще помнишь, что ты в юбке?! — Лань Чжуцзе с досадой отвесила ей звонкий подзатыльник. Если бы не ее молниеносная реакция, эта дурочка сейчас выставила бы напоказ свои трусы?

Вань Гаогао:

Просчет. Совсем вылетело из головы.

— Да встань ты, думаешь, мало вешишь? — Вань Гаогао надула губки и заерзала бедрами. — Никакого стыда у человека! Могла бы просто придержать юбку руками, а не садиться сверху!

Лань Чжуцзе закатила глаза, кровожадно поскрежеща зубами в затылок подруге, но все же подскочила на ноги, стремительно расправила подол и рывком подняла ту на ноги:

— Пошли, пошли уже, купим воды нашему боссу!

— Эй, ты что, сейчас меня лапала?! — волочась следом, Вань Гаогао не преминула восстановить справедливость.

— Лапала? Да на тебе нет ни единого места, достойного того, чтобы тебя лапать! — презрительно фыркнула Лань Чжуцзе.

Звуки их перебранки постепенно стихли вдали, оставив оставшихся двоих в тишине.

— Не смотри на меня так! — Е Цзинь отшатнулась под ее взглядом. Что это за выраженьице?

— Скажи мне, кто твой друг... — зловеще протянула Цзян Яншуй.

Рыбак рыбака видит издалека? Она что, намекает, что та дура?

— А сама-то? Ты сейчас кто по отношению ко мне? — Е Цзинь прищурилась. Они стояли так близко, особенно после того утреннего соглашения стать друзьями — значит, она теперь тоже из этой компашки!

Цзян Яншуй:

Она и не заметила, как сама себя загнала в угол. А эта Е Цзинь соображает быстрее, чем кажется — мозги у нее явно на месте.

<http://bllate.org/book/21716/2243880>